

© 2006 г.

В. Ш. НАХУШЕВ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СООБЩЕСТВО ПАССИОНАРИЕВ

НАХУШЕВ Владимир Шамилъевич - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Карачаево-Черкесской государственной технологической академии (г. Черкесск).

Анализ отечественной литературы позволяет утверждать, что современное употребление термина "интеллигенция" в разных областях знаний не отражает в полном объеме специфику обозначаемой им социальной группы. Отсутствие четкой демаркационной линии между научным и ненаучным определением понятия свидетельствует о необходимости более внимательного осмысления сущности современной российской интеллигенции. Решая эту задачу, по всей видимости, сегодня можно перейти от первого предпарадигмального этапа, характеризующегося отсутствием единой концепции из-за господства множества теоретических направлений и многообразия методологии, к следующему этапу - парадигмальному, основывающемуся на единой концепции, исключающей разноречивость направлений, методов, теорий и т.д., не вписывающихся в признанную научным сообществом парадигму. В этом случае появилась бы возможность ограничения вольной интерпретации сущности интеллигенции и ориентация научного сообщества на все более детальное исследование предметной области, установленной парадигмой, а также содействовать выявлению инновационных взглядов на современную интеллигенцию посредством переинтерпретации известных теорий и концепций. При этом следует подчеркнуть, что совокупность инструментария и методов, которые предлагает парадигма, должна стать не только оптимальной, но и понятной, неоспоримой, важность которой для научной мысли не может быть всерьез поставлена под сомнение. Необходимость такого подхода к определению понятия "интеллигенция" периодически высказывалась мыслителями прошлого. Она вновь обозначилась в размышлениях российских ученых в 1990-х гг. [1], которые дают основание думать, что сущность интеллигенции, как специфичной социальной группы, определяется уровнем интеллигентности, являющейся важнейшим индикатором отношения людей к устройству общества и государства.

Интеллигентность оказывается неотъемлемой чертой разных сторон социального бытия человека. В этом смысле она близка к культуре: вполне привычно звучат словосочетания, как "культура ума", "культура поведения", "культура чувств", "культура общения", "культура речи" и др. В обычном словоупотреблении "культура" служит оценочным понятием и относится к чертам личности, которые точнее было бы называть не культурой, а культурностью - понятием, раскрывающим сущность интеллигентности. *Культурность* полнее отражает субъект-субъектные, диалогичные отношения, что характерно для интеллигентности. Когда мы говорим "интеллигентная семья", "интеллигентный человек", "интеллигентный разговор", "интеллигентная речь", "интеллигентный учитель", "интеллигентный руководитель" и т.д., предполагается

уровень культурности (быть равным среди равных, выделяясь только способностью возбудить общественную совесть, тем самым вызывая к себе уважительное отношение окружающих как личность, способная "очеловечить" человека).

Понятие "*интеллигентность*" производно от понятия "интеллигент". На это обращается недостаточное внимание, когда известные в стране люди публично заявляют, что они не хотят называть себя интеллигентом, не желают определять этим термином свой социальный статус, предпочитая ему понятие "аристократ". На вопрос "интеллигентны ли они сами?" - следует положительный ответ [2]. Данный пример свидетельствует о смешении элементов интеллигентности и филистерства, культурности и мещанства. Осознание этого требует четкого определения сущностного содержания интеллигентности, что невозможно без выяснения смысла исходной категории "интеллигент".

Представляется, что интеллигенция, как специфичная социальная группа общества, присутствует на всех исторических этапах развития человечества с момента осознания необходимости этического ориентирования человеческого разума, превращения его из "инструмента познания" в средство гуманизации антропологического бытия. Говоря иначе, интеллигенция начала формироваться с первых попыток человека осуществить самопознание, в самом себе различить добро и зло, разум и неразумие, человеческое и античеловеческое. Вникая в смысл своей деятельности, определенная часть людей каждый раз как бы приподнимается над ней, как и над естественной средой обитания, "возносится", чтобы полнее обозреть и понять суть своей "сращенности" с первичной и вторичной природой. Видимо, эта часть человечества составляла в прошлом ядро интеллигенции и остается таковым сегодня. Человечество всегда нуждалось в сообществе личностей, способном с исторически необходимого уровня высоты культурности (знание плюс нравственность = мудрость) обозревать происходящие в обществе жизнеустроения, чтобы не иссякал живой творческий дух народов и не лишались они накопленных общечеловеческих ценностей, возможности их дальнейшего обогащения.

Сущность интеллигенции в полном объеме выражена, на мой взгляд, в образе Прометей. Согласно мифу, Прометей решительно встал на сторону Зевса, когда тот начал борьбу за новый, более справедливый порядок, но открыто отошел от него, когда он стал править как жестокий тиран и даже задумал истребить беспомощный человеческий род. Прометей решил спасти людей, не побоявшись, что этим может навлечь на себя гнев всемогущего Бога. Известно множество благодеяний, сделавших Прометем подлинным "творцом человека": он вывел его из природного дикого состояния и воспитал из него разумное существо. Этому Зевс не простил. За многочисленные услуги, оказанные человеческому роду, он приговорил Прометей к суровому наказанию. Но страшные муки не сломили его. Он остался гордым.

В этом мифе заключен глубокий смысл: построение социально справедливого общества не под силу ни отдельным общественным классам, ни политическим партиям, действия которых ограничены узко специфическими интересами. Материализация идеи социальной справедливости возможна под влиянием интеллигенции, охватывающей наиболее *пассионарную интеллектуально-нравственную элиту всех социальных групп общества*, объективно свободную от узко корпоративных интересов. Она под силу только наиболее подготовленной интеллектуально и нравственно части людей, способной возложить на себя ответственность за состояние жизнеустроения общества, не ожидая при этом никаких привилегий. В этом суть интеллигентности.

В мифе выражен еще один существенный момент. Интеллигентность - вовсе не безбидное приобретение человека. Оно чревато неким возмездием, расплатой за приобретенное. В этом драматизм проявления интеллигентности в социально несправедливом обществе. Жить нравственно в безнравственном обществе невероятно тяжело, но это необходимо для утверждения социальной справедливости. Быть честным в рамках собственной жизни тоже нелегко, но возможно. И этим самым сохранить человеческое в человеке, личностно-храбрый огонек живой души, который, конечно, не может озарить страну, но побеждает идею полноты мрака. Сейчас это важнее всего.

Пусть нравственное содержание мудрости интеллигенции еще не способно сделать так, чтобы не было несправедливости, не было насилия. Но оно способно *пробудить совесть и разум*, чтобы те, кто совершает насилие, не тешили себя иллюзией, будто их позиция морально оправдана [3]. Мораль отнимает право так думать. Говорить и доказывать это - важная задача интеллигенции, действующей в обществе с его глубоко укоренившимся предрассудком, будто без насилия невозможно отстоять человеческое достоинство и добиться справедливости.

Может показаться, что позиция, осмысленно отказывающая насилию в моральной санкции, является чистым мечтательством, хотя известны вдохновляющие индивидуальные и коллективные опыты принципиального отказа от принуждения. Много важнее, чтобы такая позиция приобрела нормативную определенность и действенность в усилиях, направленных на ограничение несправедливости. Дело интеллигенции - корректировать, смягчать, очеловечивать отношения государства с народом. Это крайне важно. В народе живет тоска по справедливому государству, во главе которого стоит милостивый государь. Не есть ли это подсознательное желание передоверить свою совесть? Ведь она утомляет человека намного больше, чем другие тяжести бытия. Аппарат совести тоньше устроен, чем аппарат ума. Ум можно использовать и во вред человеку, а честность, основанная на совестливости, ведет только к добру. Совесть - "материя" неподкупная.

Интеллигенция по природе своей созидательна, она не может быть силой разрушительной. Интеллигентность способствует тому, чтобы все профессии стали творческими, а творчество стало ведущей деятельностью человека, основой формирования личности с обостренным чувством субъектности. Массовое формирование такой личности - одна из задач интеллигенции, которая в конечном итоге способствует замене общества объединенных индивидов сообществом личностей, каждая из которых концентрирует в себе всю мощь интеллигентности. Без такой цели нет личности, творчества, интеллигентности, следовательно, нет и социальной справедливости.

В ситуациях, когда власть оказывается в положении эзотерической изолированности от народа, задачей интеллигенции становится публичное оглашение скрытого от людей механизма ущерба для общества данного политического режима. Здесь уместно вспомнить о веке Перикла и наступившем после него веке Клеона. Перикл с уважением относился к мыслителям и брал у них идеи, применимые в государственной деятельности, придавая ей рациональный характер. И тогда народ и государство управлялись косвенным образом этими идеями. Клеон же сказал: "Чем глупее и необразованнее народ, тем легче им управлять". Потому задача интеллигенции - добиться того, чтобы не было прорастания клеонизма.

В настоящее время, по образному выражению немецко-французского мыслителя А. Швейцера, "в час опасности страж, который должен был предупредить нас о надвигающейся беде, заснул" [4]. С катастрофической быстротой теряет свою востребованность интеллигенция, но этого "не замечает" нынешняя власть, столкнувшаяся с деградацией культуры российского народа, что является серьезной угрозой национальной безопасности. Поддержание интеллигенции государством - центр социальной программы и важнейшая политическая задача. Без этого невозможно достичь необходимого уровня и реализации человеческого, в смысле "очеловеченного", потенциала людей. Человеческие возможности такого типа должны постоянно поддерживаться в состоянии готовности, иначе - неизбежна деградация общества.

В нашей стране масштабы социальных и культурных метаморфоз фантастически огромны, вследствие чего значительно ослаблены основы чувства прочности бытия. Жертвы перестройки и реформирования общества лишены утешительной идеи. К тому же идеал демократии, к которому стремились, о чем мечтали и на что надеялись, безвозвратно утрачен. Значительная часть населения - люди, томимые безмерной человеческой усталостью.

Идеал - цель недостижимая, но реальные шаги к нему. Ориентация на идеал - единственно возможный путь самосовершенствования человека. Сегодня все усложни-

лось. Размыт идеал, затруднено постижение истины. В этих условиях величие интеллигента - в его поведении. Оно ориентировано на то, что интеллигентный человек,

зная свою участь, не малодушничает, не уклоняется трусливо от своего удела, не прибегает к уловкам, чтобы избежать его, а осознанно идет навстречу своей судьбе, мужественно принимает ее вызов.

Интеллигент - творец и собственный критик. Это человек, величие нравственных качеств которого равняется величию его ума. Критичность служит ему средством преодоления одномерности мышления. Интеллигенция не делает хорошей мины при плохой игре. Она не претендует на всезнание и максимально четко разграничивает "знаю" и "не знаю". Там, "где слишком много "не знаю", она открыто признает, что давать рекомендации еще рано и лучше "ничего не сказать, чем сказать ничего". Но в этой честности - слабость интеллигенции публичная и, с точки зрения обывателя, непростительная. Здесь она проигрывает политикам, чиновникам и больше всего нахрапистым и плутоватым выдвиженцам, бесцеремонно расселяющимся по номенклатурным кабинетам после любой смены режима власти [5].

Размышления автора данных строк во многом не совпадают с суждениями части специалистов, чьи труды посвящены проблемам современной российской интеллигенции. При попытке систематизировать высказанные в литературе мнения исследователей по этому вопросу обнаруживается значительный их разброс.

Часть авторов считает, что понятия "интеллигент" и "интеллектуал" тождественны и нет смысла их разводить. Эту мысль достаточно четко выразил в одной из своих работ профессор В.Х. Беленький, который недоуменно вопрошает: «... но что такое "многоликое сообщество интеллектуалов", если не интеллигенция?, [6]. Отдельные авторы, разделяющие такую же позицию, считают, что интеллигенция будет прирастать за счет интеллектуалов, и это приведет к ослаблению интеллигентности общества, росту числа "неинтеллигентной интеллигенции" [7]. Результатом крепнущей массы "неинтеллигентной интеллигенции", по терминологии некоторых исследователей этой группы, - станет неинтеллигентная власть. "Дефицит интеллигентности, - подчеркивается ими, - угрожает обществу, нашей стране..."

Словосочетание "неинтеллигентная интеллигенция", встречающееся в литературе, напоминает фразеологические обороты типа "остроумно глупый", "убогая роскошь", "живой труп" и т.д. Подобные семантически контрастные словосочетания имеют собственные смысловые значения, выражающиеся соответствующими им понятиями. В случае употребления термина "неинтеллигентная интеллигенция" речь должна идти о социальных группах (точнее о их представителях), лишенных интеллигентности, не охватывающихся понятием интеллигенция. Научно обоснованное понимание сущности интеллигенции делает бессмысленным поиск в ее среде людей неинтеллигентных [8]. Употребление словосочетания "неинтеллигентная интеллигенция" является следствием отсутствия строго научного определения понятия "интеллигенция", неразборчивости в выявлении существенных признаков интеллигентности как основной характеристики этой социальной группы. Значительная часть исследователей [9] придерживается мнения о необходимости уточнения содержания понятия "интеллигенция" методом отделения его от искажающих суть интеллигенции широко употребляемых терминов; "полуинтеллигенция", "квазиинтеллигенция", "мнимая интеллигенция", "псевдоинтеллигенция", "интеллигентщина" и др. Социальные группы, обозначаемые подобными терминами, характеризуются *еще* и прилагательными: "кухонная", "кружковая", "радикальная", "бюрократическая", "пресмыкающаяся", "люмпенская", "революционная" и т.д.

Ряд ученых считает, что российская интеллигенция не играет той социальной роли, которая для нее была характерна раньше. "Для нас, - пишет профессор С.Г. Карамурза, - здесь важен тот факт, что уже к 1988 г. стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе. Но интеллигенция этого не видела, ее зрение деформировано каким-то методологическим фильтром". И продолжает: "Главным социальным агентом, взявшим на себя осуществление этой огромной программы по разрушению логического мышления огромного народа, стала интеллигенция" [10]. Подобные мыс-

ли о реакционности интеллигенции, оторванности от жизни и о ее плохом воспитании высказаны в работах и других авторов [11].

В литературе имеются и более жесткие высказывания в адрес интеллигенции. Например, утверждается, что интеллигенция "присвоила себе исключительное право учительствовать и решать, чем должен быть российский народ", что "эти усилия интеллигенция всегда прикрывала высокопарными рассуждениями о своем высоком предназначении и так называемых общечеловеческих ценностях". По мнению авторов подобных высказываний, "на самом деле никакого такого предназначения не было. Были и есть пустота, лень, скука, неспособность к делу, томление духа. Не случайно, - утверждают они, - ни один из европейских народов не имеет интеллигенции". И дальше, на поставленный ими вопрос; "Что же такое интеллигенция?", не находят ответа, кроме карикатурных представлений, базирующихся во многом на предрассудках. Цитирую: «Один умный человек сказал: "Интеллигент - сын вождя племени, окончивший Сорбонну и вернувшийся назад, иными словами интеллигент - носитель элементов чужой культуры и ее пропагандист у себя дома" [12].

Немало исследований, авторы которых полагают, что в России в настоящее время нет интеллигенции. Эту идею четче других выразил Н.Е. Покровский: "В современной России интеллигенция подобно дворянству или казачеству - ушедшая реальность" [13]. Попытки вытеснить понятие "интеллигенция" из символического пространства основаны на убеждении, что с развитием рыночной экономики интеллигенция, как социальная группа, образует "средний класс" [14]. Несколько своеобразна позиция профессора В.М. Межуева, который считает, что в обществе "массовой культуры" с его инструментальными ценностями "интеллигенции делать нечего". Интеллигенты здесь становятся "просто" технологами, "слугами" власти и т.д. Правда, он не исключает того, что интеллигенция в России может быть востребована (например, при возникновении в обществе необходимости в "левом" дискурсе) [15]. Схожую мысль высказал в свое время Герцен, считавший, что лишь какой-нибудь кризис может спасти "омещавшуюся" часть интеллигенции от маразма массовой посредственности [16].

Реакцией на отсутствие единого мнения относительно сущности современной российской интеллигенции явились, на мой взгляд, статьи академиков РАН, в которых в разное время достаточно ясно выражено их отношение к решению тех или иных проблем интеллигенции. Назову некоторые их статьи: "Не путайте интеллигента со специалистом", "Интеллигентна ли интеллигенция...", "Конец интеллигенции?" Эти и другие статьи [1] дали возможность понять сложность анализа сущности интеллигенции, вызвали повышенный интерес к некоторым методологическим подходам решения проблемы.

По мнению член-корреспондента Н.В. Карлова, "совершенно очевидно, что на пути своей эволюции человеческое общество создало интеллигенцию с целью удовлетворения целого ряда потребностей, все усложняющихся и усложняющихся по мере этой самой эволюции. Поэтому интеллигенция будет существовать до тех пор, пока существует человечество при условии недопущения без колебаний следовать генеральной линии правящей партии и ее вождя. Для культуры это смертельно, гибнет при этом если не сама интеллигенция, то ее интеллигентность исчезает без остатка и навряд ли" [7].

Интеллигенция - ипостась любого цивилизованного (базирующегося на общественном разделении труда) человеческого общежития. Она была, есть и всегда будет. Другое дело, что всякий раз интеллигенция выступает в определенной конкретно-исторической форме. Утверждения о том, что ее нет, либо о ее "свертывании", умирании, исчезновении и прочее - из разряда недоразумений.

Академик Д.С. Лихачев считал, что "интеллигент - это ... человек, обладающий умственной порядочностью... к интеллигенции принадлежат только люди, свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам" [18]. С точки зрения академика Н.Н. Моисеева, к интеллигенции относится, "прежде всего, та прослой-

ка нашего народа, которая способна выйти за рамки своих личных интересов, думать о судьбах своей страны, особенностях своего государства, искать конструктивные усовершенствования его структуры и деятельности. И это далеко не всегда люди интеллектуального труда" [19]. Эти суждения способствовали активизации дальнейшего исследования разных сторон роли и функций интеллигенции в современных условиях отечественной действительности. Появились исследования, представляющие значительный общественный интерес с точки зрения научной обоснованности выводов [20]. Интеллигенция в них рассматривается как социокультурный феномен, определяется специфика интеллигенции в советском, постсоветском обществах, анализируются особенности функционирования интеллигенции в мировом масштабе, определяются исторические рамки ее жизнедеятельности. Привлекает внимание характеристика российской интеллигенции, данная А. Бурыкиным: "Критерием поведения интеллигента... служит его отношение ко всему, что связано с понятием Родины и свободы. Его растиражированный отклик на то или иное событие в жизни общества есть поступок. Осознание этого самим интеллигентом - первый шаг в будущее..." [21].

Некоторые авторы рассматривают интеллигенцию как социальную группу, состоящую из элиты ("властители дум") и массы. По их мнению, интеллигенция массы - это многочисленный слой людей массового умственного труда, получивших специальное образование и имеющих все признаки массовой психологии; это наиболее отзывчивая часть народа, аккумулирующая ее настроение и ожидания, ориентирующаяся на идеологические установки интеллигенции - элиты и активно транслирующая их на остальную массу с учетом ее социально-психологического состояния [22].

Рассматривая российскую интеллигенцию как социокультурный феномен, Е.С. Элбакян выделяет ряд черт: "скептицизм, социальное дистанцирование, самоидентификацию, нормативное бунтарство, элитарную идеологию и психологию, лишенность практицизма (выраженного в отрыве ее от ее реальности), эскапизм (уход в мир отвлеченных идей и утопических проектов), политическое отчуждение, двойственное отношение к народу" [23]. В.А. Мау считает, что "существует три признака интеллигенции, которые принципиально отличают ее от других социальных групп: отношение к богатству, к истории и к государству... Презрение к богатству дополняется презрением к государству и его институтам" [24]. При этом, автор не уточняет, к какому богатству (честно нажитому или наворованному) и государству (социально-справедливому или эксплуататорскому, деспотическому).

Следует отметить, что значительная часть работ самых разных жанров, посвященных интеллигенции, все еще находится под влиянием знаменитых в начале XX века "Вех", опубликованных к ним комментариев и переизданных недавно трудов отечественных философов от Чаадаева до Федотова. Все это не может не возвращать нас к вопросу, который стал стержневым еще для "Вех" в 1909 г. - о природе интеллигенции, о качествах, определяющих ее общественный облик и роль. В сегодняшних условиях важно понять отличие интеллигенции начала XX в. от интеллигенции советского периода, определить место современной российской интеллигенции в социальной жизни общества, уточнить специфику, отношение ее к государству и режиму власти, обосновать необходимость экспертной роли интеллигенции в современном российском обществе. Эти стороны проблемы исследованы недостаточно. Подобная неопределенность ведет к расплывчатости, необязательности суждений, касающихся интеллигенции, делает ее образ в общественном сознании чрезвычайно зыбким, каким-то фантомным и ущербным. В этой связи уместно подчеркнуть, что нет какой-то одной дороги от гуманистической сущности интеллигенции к политике. Интеллигентность, базирующаяся на общечеловеческих нравственных принципах, столь же мало несет ответственность за тот или иной политический режим, сколь, скажем, философия Ф. Ницше или М. Хайдеггера - за установление фашистского режима в Германии в 1930-х гг. или российская интеллигенция - за репрессии советского периода. Интеллигенция, в отличие от политических партий и властных структур, не выступает от имени народа или нации, она выступает от имени сообщества состоявшихся

личностей, которое исторически проявлялось в таком подавляющем меньшинстве, что иногда приходилось и до сих пор приходится (и это допустимо) говорить о нем лишь теоретически. Иначе откуда бы взялся убеждению в абсолютной правоте народа и вине перед ним интеллигенции. Если она и виновна, то, в частности, как раз этим признанием своей якобы вины перед абстракцией "народ". Всемирная история содержит много свидетельств ложности и потому вредности поклонения подобным абстракциям (из их же числа - "нация", "человечество", "государство"). Прошлое и настоящее не знают, кажется, ни одного благого результата, мотивированного интересами народа. Зато сплошь и рядом (редчайшими исключениями правило подтверждается) "интересы народа" скрывают интересы демагога, фанатика-изувера, мещанина-филистера или нечистого на руку политика. Интеллигенцию нельзя упрекать в нарциссизме, она по сути своей является проводником справедливости, у источника которой стоят люди, признанные "любить мудрость (или, по крайней мере, любить мудрость в самом себе), но вовсе не себя самого". Однако много ли тех, кто возлюбил мудрость больше, чем самого себя? Сократ, Августин, Кьеркегор, Л.Н. Толстой, М. Ганди, М.-ЖЛ Кинг - единицы, скорее исключение, чем правило. Но эти личности одухотворяли интеллигенцию в прошлом, и подобные им люди, составляющие элитную часть, одухотворяют современную интеллигенцию.

В существующем многообразии подходов к определению понятия "интеллигенция" и выявлению ее основных признаков можно выделить три обозначившихся тенденции. Первая - стремление раскрыть содержание понятия "интеллигенция", называя ее существенные характеристики как специфичной социальной группы, отличающейся от интеллектуалов, политиков, бюрократов, чиновников и других социальных групп. При этом подчеркивается значимость интеллигенции в формировании нравственной власти, социально-справедливого общества и государства. Вторая тенденция связана с расширительным толкованием объема понятия "интеллигенция", без учета его реального содержания. Оно, естественно, не способствует объективному анализу сущности качественно обновляющейся социальной группы современного российского общества и создает немало "ловушек", в которые иногда попадают даже известные ученые. Так, еще в конце 1980 - начале 1990-х гг. острый спор среди исследователей вызвало утверждение профессора С. Андреева, в котором излагалась мысль о том, что "...интеллигенция классом не является. Но один из ее быстрорастущих отрядов, а именно *производственно-управленческий аппарат* (курсив мой - Н.В.), все больше приобретает присущие именно классу черты" [25]. Причиной спора были методологическая и теоретическая неувязки: класс существует внутри классовой прослойки [26]. По мнению некоторых участников дискуссии, она унаследована от советского периода: понимание и определение интеллигенции как людей, занятых умственным трудом, имеющих высшее образование. Третья тенденция проявляется в стремлении вообще вытеснить понятие "интеллигенция". Оно основано на убеждении, что с развитием рыночной экономики интеллигенция исчезает, распадается на специалистов-профессионалов - ядро среднего класса и на деклассирующуюся, переходящую в низшие общественные слои часть. Две последние тенденции связаны с утверждением в общественном сознании мысли о том, что интеллигенция якобы обречена на самоликвидацию. Основная причина наблюдаемых попыток отбрасывания этого понятия заключается, по-видимому, в том, что оно в рамках указанной первой тенденции продолжает нести общественно значимую смысловую нагрузку, связанную с "памятью прошлого" и ответственностью за будущее. Не зря группа российских академиков ставит вопрос о необходимости вернуться к пониманию идеологической миссии интеллигенции в обществе, о более четком определении ее социальной функции, о месте в управлении обществом, о роли во властных отношениях [28].

Исходя из изложенных размышлений, считаю возможным предложить научной общественности определение понятия "интеллигенция", которое в какой-то степени охватило бы требования сегодняшнего дня. Не претендуя на полноту, интеллигенция - это сообщество ответственных и пользующихся доверием большинства народа лично-

стей субъектного типа, достаточно подготовленное интеллектуально и нравственно к пробуждению общественной совести, способное быть экспертом социальной справедливости государства и стремящееся сделать политическую власть нравственной, не становясь властью.

Предлагаемое определение дает возможность активизировать не использованные до сих пор познавательные ресурсы, поскольку оно значительно уточняет и объясняет сущность интеллигенции. Предлагаемое понятие определяется через ближайший род "сообщество" (а не "слой" или "прослойки") и видовое отличие путем выявления существенных признаков, в комплексе характеризующих рассматриваемую дефиницию. Оно позволяет избежать как широкого, так и узкого толкования его сущности, подчеркнуть, что не все интеллектуалы входят в число интеллигенции, точно так же как интеллигенция состоит не только из людей, занятых умственным трудом. Это положение подтверждается акцентированием внимания на субъектности [28] интеллигенции, способности быть экспертом социальной справедливости государства, на ее стремлении сделать власть нравственной, не пытаясь стать ею. Три последних признака дают основание думать, что к интеллигенции относятся **не** все специалисты, занятые умственным трудом, как и члены политических партий, а также чиновники и власть представляющие люди. Доминантой понятия "интеллигенция" является субъектность самой социальной группы и выполнение роли эксперта деятельности государства. Интеллигенция не говорит от имени народа, она стремится научить народ думать и говорить от имени "истины". У нее нет корпоративных интересов, поскольку она состоит из представителей разных социальных групп и политических партий, формальных и неформальных организаций. Интересы большинства народа - ее интересы. Исторический взгляд на процесс зарождения и развития интеллигенции в России, сравнение современного уровня разработки понятия с прошлыми трактовками дают основание утверждать, что становление и развитие интеллигенции происходило при отсутствии в России единого организованного светского этического сознания, распространяющегося на все общество. Православная церковь, как и другие институты мировых религий, взывала к сакрализации массового сознания и, как правило, дистанцировалась от дел "кесаревых", а государство было безразлично к "простому народу" до тех пор, пока он, доведенный до крайности, не заявлял о себе в полную силу. Поэтому главной для российской интеллигенции становилась моральная деятельность, вдохновляемая гуманистическими и просвещенческими идеалами и проблемами справедливости. Моральная работа по служению народу чаще всего принимала форму литературную. Известно, что распространение понятия "интеллигенция" в России связано с именем популярного в 1870-х годах XIX в. писателя П. Боборыкина. В его романах интеллигенция представлена как "сообщество мыслящих людей", обличительница существующих порядков, социального паразитизма дворян-землевладельцев, чиновничества, "оевропеившихся" купцов - национального варианта буржуазии. При этом главное внимание уделялось передовым для того времени научным представлениям о построении социально-справедливого общества. Понятие "интеллигенция", таким образом, в России возникло в смысловой плоскости, отражающей культурно-символическую стратификацию по признаку компетентности в вопросах организации социально-справедливого общества. Этот ее признак и в начале XX в. был многим достаточно очевиден. Появившись изначально как итог социально-религиозных исканий, как протест против ослабления связи объективной реальности с идеальным миром, интеллигенция России оставалась таковой до Октябрьской революции. В послереволюционные годы властвующая система посчитала выполненной подобную миссию интеллигенции. От нее не только не ожидали критики действительности и предсказаний какого-либо иного будущего, что было определено установленной партийной доктриной, но часто прямо ее запрещали.

Нет надобности идеализировать далекое поколение интеллигенции, но в одном их безупречная ценность; в беззаветной любви к Родине, заботе о ее духовном возрождении, о нравственном здоровье общества [29], а также в способности восполнить дефи-

цит знаний и информации, определить общественно значимые цели и вместе с властью повести народ к их достижению. "Вместе с властью" не означает "стать властью".

Действительность не раз показала, что, войдя во власть, интеллигенция перестает быть собою. Это связано с тем, что практика принятия политических решений и государственного строительства предполагает компетенцию профессионально подготовленных политиков, специалистов-управленцев, а не интеллигенции с ее нравственно-этническими и идеологическими функциями. У власти, профессиональных политиков одно общественное предназначение, а у интеллигенции - другое. Это достаточно емко и точно выразил Г.П. Федотов: "Интеллигенция - категория не профессиональная, а идейная" [30]. Следуя логике этого суждения, отдельные ученые высказали предположение, что "интеллигенция призвана в соответствии со своей исторически сложившейся социальной природой идейно, идеологически влиять на власть, ни в коем случае не сливаясь с нею" [31]. Это суждение, по мнению автора, совершенно справедливо, как и мысль о том, что интеллигенция не может в полном объеме играть свою роль, не будучи свободной от партийно-политической ангажированности. В новых российских условиях интеллигенция еще не стала влиятельной силой в формировании массового сознания. Поэтому актуализируется необходимость в восстановлении традиционного типа отечественного интеллигента, "властителя дум". Когда речь идет об интеллигенции, нужно иметь в виду не "массу индифферентную" с дипломами, свидетельствующими о высшем образовании, а сообщество интеллектуально и нравственно состоявшихся личностей, способное сохранить честь и совесть Отечества. *Интеллигенция - сообщество пассионариев*, ответственных личностей субъектного типа, отстаивающее право жить нравственно, призванное "глаголом жечь сердца людей", возбуждая общественную совесть, направленную на формирование нравственной власти и социально-справедливого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Карлов И.В. Интеллигентна ли интеллигенция // Вопросы философии, 1998. № 3; Лихачев Д.С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир, 1993. № 2; Моисеев Н.Н. Вехи-2000. Заметки о русской интеллигенции кануна нового века // Дружба народов. 1999. № 3; Топоров В.И. Не путайте интеллигента со специалистом // Известия. 1998, 20 мая.
2. См. об этом: Распаров М.Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 84-112.
3. См.: Гусейнов А. А. Возможно ли моральное обоснования насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 27.
4. Культура и этика. М., 1973. С. 39-40.
5. См.: Вопросы философии. 2004. № 5. С. 38.
6. Беленький В.Х. Еще раз об интеллигенции // Социол. исслед. 2004, № 4, С. 95.
7. См.: Григорьев В.П. Диалогическая (не) интеллигентность // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 30-35; Бурыкин А. Интеллигенция "Садового кольца" // Москва. 1998. № 1. С. 137.
8. Феномен бюрократии и социальная структура советского общества. Материалы дискуссии // Социально-политические науки. 1990. № 5. С. 51-68.
9. См., например: Афонский Л. Интеллигенция и государство // Москва. 1998. № 2; Возрождение России и новый "орден" интеллигенции // Новый мир. 1992, № 7; Соколова Ф.Х. Власть и интеллигенция Северной области в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2003. № 12 и др.
10. Кара-Мурза С.Г. Интеллигенция в перестройке: отход от норм рационального мышления. Гипостазирование // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1.
11. См., например: Кива А. Интеллигенция в час испытаний // Новый мир. 1993. № 8; Возрождение России и новый "орден" интеллигенции // Новый мир. 1992. № 7; Варавва В. Духовное самоопределение русской интеллигенции // Москва. 2000. № 10; Романовский С.И. Нетерпение мысли, или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000; Орлов Б.С. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социол. исслед. 2001. № 11,
12. См.; АЛМА МАТЕР. 1996. № 1. С. 3.

13. См.; Интеллигенция в обществе риска // Социол. исслед. 2003. № 9. С. 133.
14. См. об этом: *Каган Ю.* Цит. ист.; *Романовский С.И.* Цит. ист.; *Рывкина Р.В.* Драма перемены. 2-е изд. М., 2001 и др.
15. См.: Социол. исслед. 2003. № 9. С. 133.
16. См. об этом; Коммунист. 1991. № 10. С. 52.
17. *Карлов Н.В.* Указ. соч. С. 4.
18. *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 3.
19. *Моисеев Н.Н.* Указ. соч. С. 142.
20. *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. 1917-1996 гг. Сыктывкарский университет, ИС РАН 1996; *Антипов Г.А.* Российская интеллигенция. Судьба одной идеи // Коммунист. 1991. № 10; *Григорьев В.П.* Диалогическая (не) интеллигентность // Обществ. науки и современность. 2004. № 1; *Степанова О.К.* Понятие "интеллигенция": судьба в символическом пространстве и во времени // Социол. исслед. 2003. № 1; *Элбакян Е.С.* Российская интеллигенция как социокультурный феномен // Общественные науки и современность. 2003. № 3 и др.
21. *Бурькин А.* Интеллигенция "садового кольца" // Москва. 1998. № 1. С. 137.
22. *Карпухин О., Макаревич Э.* Интеллигенция в обществе риска // Диалог. 2003. № 7. С. 15.
23. *Элбакян Е.С.* Цит. ист. С. 82-85.
24. *Мау В.* Интеллигенция, история и революция // Новый мир. 2000. № 5. С. 141.
25. Постыжение. М., 1989. С. 549.
26. Феномен бюрократии и социальная структура советского общества // Социально-политические науки. 1990. № 5. С. 54.
27. См. указ. соч. *В.Н. Карлова, Д.С. Лихачева, Н.Н. Моисеева* и др.
28. См. об этом: *Абульханова-Славская К.А.* Проблема личности в психологии // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997, С. 362-363.
29. См.: *Коган Л.А.* "Выслать за границу безжалостно" // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х книгах. Кн. 1. 20-50 годы. М., 1998. С. 84.
30. Цит. по "Диалог". 2003. № 7. С. 17.
31. Там же.